

Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. — [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1956. 240 стр.

До сих пор в нашей литературе не существовало книги, в которой была бы систематически изложена фонетика русского языка. Поэтому следует ожидать, что книга Р. И. Аванесова, в которой сквозь призму учения о фонеме рассматриваются все основные проблемы русского произношения (кроме интонации), будет встречена с большим интересом и привлечет пристальное внимание разнообразного круга читателей.

Теоретические основы рецензируемой работы изложены в первом разделе — «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы», который был опубликован в виде отдельной статьи под тем же названием еще в 1955 г¹. Ввиду того, что эта статья (соответственно — указанный раздел книги) до сих пор не получила отклика в печати, а также ввиду того, что все построение книги и самый метод изложения остальных разделов ее определяется содержанием первого раздела, представляется вполне уместным сосредоточить на нем главное внимание настоящей рецензии.

На протяжении ряда лет между школой акад. Л. В. Щербы и московской фонологической школой шли споры по поводу понятия фонемы. Резкие полемические формы, в которых эти споры протекали (и в которых повинен также и пишущий эти строки), не способствовали плодотворному развитию теории фонемы. Они лишь внешне углубляли расхождение между спорящими сторонами, а само существо дела не становилось более ясным для широких кругов языковедов. Поэтому имевшие у нас место фонологические дискуссии разочаровали читателей, хотя в ходе последней дискуссии, проходившей на страницах «Известий Академии наук (ОЛН)», у представителей обеих школ обнаружилось единство мнений по поводу недопустимости отрыва фонологии от фонетики.

Отсутствие расхождений в вопросе, имевшем столь важное принципиальное значение, все больше наводило на мысль, что весь спор носит в значительной степени терминологический характер. На это и указывал автор настоящей рецензии в своей диссертации². Подобная мысль, вероятно, вдохновила Р. И. Аванесова вновь обратиться к старому спору, чтобы взглянуть на него с новой точки зрения. Ему удалось при этом не только правильно осветить сущность расхождений в учении о фонеме, но и высказать ряд очень интересных и важных мыслей.

Установив, что «исходным моментом во взглядах акад. Л. В. Щербы на фонему является словоформа» (стр. 37), а «исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема» (стр. 38), Р. И. Аванесов показывает, что обе точки зрения правильны и совместимы, так как отражают различные языковые факты: кратчайшую звуковую единицу в составе словоформы и кратчайшую звуковую единицу в составе морфемы. Соответственно автор предлагает различать два понятия — фонему и фонемный ряд³. В этом заключается основная идея Р. И. Аванесова. Ее большое положительное значение я вижу особенно в том, что не только фонема, но и фонемный ряд может рассматриваться как собственно фонетическое понятие.

Звуковой строй языка, разумеется, теснейшим образом связан с его грамматическим строем; вместе с тем он обладает известной самостоятельностью, независимостью от грамматического строя. Это обнаруживается прежде всего в том, что кратчайшие звуковые единицы не являются непосредственно грамматическими единицами и лишены собственного смыслового значения. Сказанное здесь является тривиальной истиной. Ее все же приходится повторять, чтобы подчеркнуть, что при определении кратчайших звуковых единиц языка следует, не забывая о связях фонетики с морфологией, оставаться все же на фонетической почве. Исходя из этого, соглашаясь с автором в вопросе о необходимости различать фонему и фонемный ряд, хотелось бы кое-что уточнить в ходе его рассуждений и в некоторых формулировках.

Фонемный ряд — это кратчайшая единица в составе морфемы или лексемы, т. е. слова как словарной единицы языка в совокупности всех его форм. Фонема — это кратчайшая единица в составе слова как единицы речи, т. е. словоформы. Фонема определяется тем, что она может служить в данном языке для различения слов. Отсюда вытекает, что если мы имеем в языке определенную пару фонем, то наличие той или иной из этих фонем будет обязательным для фонетической оболочки данного слова. Так, например, в русском языке имеются две фонемы — [d] и [t]; [t] является признаком слова *гол*, выс тупающего в именительном падеже единственного числа, [d] — призна-

¹ Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

² См. Л. Р. З и н е р, Общая фонетика. Автореф. докт. диссерт., Л., 1955, стр. 8.

³ На необходимость отличать «кратчайший звуковой компонент морфемы» от «кратчайшего звукового признака, служащего для словоразличения и словоупотребления», впервые указал С. И. Бернштейн. Однако, сохранив для обеих единиц термин «опема» и не развив свою мысль в достаточной степени, он не сделал ее понятной и убедительной (см. С. Б е р н ш т е й н, Против идеализма в фонетике, ИАН ОЛН, 1952, вып. 6, стр. 543, сноска 8; см. об этом также в статье «От редакции», ИАН ОЛН, 1953, вып. 6, стр. 554).

ком слова *goda*, являющегося родительным падежом единственного числа. Это не означает, однако, что [t] и [d] могут считаться морфологическими признаками соответствующих надежд, так как появление той или иной из этих фонем определяется чисто фонетическим правилом.

Наличие разных фонем в составе одной и той же словоформы возможно только в том случае, если употребление их не зависит от фонетических условий. Такие произносительные варианты иногда встречаются (ср., например, приводимые в разбираемой статье *платиш* и *плотисш*, *калоша* и *галлоша*) что не опровергает указанных свойств фонемы.

Фонема выявляется в результате непосредственного анализа речевого потока, в результате его членения. Реальность фонемы не может быть подвергнута сомнению. Эта реальность доказывается многовековой лингвистической практикой и самим существованием буквенной письменности. Именно с фонемой как со звуковой единицей языка во все времена имели дело языковеды¹. Нужно сказать, что и те фонологи, которые теоретически отвергают рассматриваемую здесь трактовку кратчайшей звуковой единицы, фактически при определении состава фонем языка имеют дело именно с ней. Этим и объясняется, что в вопросе о числе и составе фонем того или иного языка если и встречаются расхождения то они обычно не носят принципиального характера и связаны не с разной трактовкой понятия фонемы представителями разных школ, а с различием объема привлекаемого языкового материала. Так, например, одни исследователи считают, что в русском языке согласные [g] и [g'] фонематически противопоставляются; они исходят при этом из таких слов, как *гяур*, *Гюго*, *Гёте*, в которых [g] стоит перед гласными заднего ряда. Другие же считают эти слова, ввиду того, что они являются заимствованными, недоказательными; а так как в «исконно русских» словах *g'* в этой позиции не встречается и так как нет такой пары слов, звуковой облик которых различался бы только наличием [g] или [g'], то они признают эти согласные оттенками одной фонемы. Интересно отметить, что Р. Якобсон, ранее придерживавшийся последней точки зрения, на основании отмеченной Обнорским пары *берега* и *берегя* (деепричастие от *беречь*) признал *g* и *g'* разными фонемами².

Итак, фонема выявляется благодаря ее словоразличительной функции, обнаруживаемой во всем многообразии словоформ, встречающихся в данном языке. Анализ звуковой стороны языка, однако, показывает, что если одна и та же словоформа характеризуется вполне определенным составом фонем, то это свойство не обнаруживается в лексеме и морфеме. Оказывается, что одна и та же морфема может иметь в разных словоформах разный состав фонем. Более того, оказывается, что данное фонематическое противоположение, совершенно достаточное для различения словоформ, не может обеспечить в соответствующем языке постоянное различение морфем. Так, в русском языке нельзя найти двух морфем, которые различались бы тем, что в конце одной постоянно была бы фонема [d], а в конце другой — фонема [t]. Напротив, в морфеме, имеющей в конце [d] в определенных фонетических положениях (в конце слов и перед глухими согласными), это [d] будет обязательно заменяться [t]. Именно эта неспособность фонематического противоположения постоянно обеспечивать различение всех значимых элементов языка и дает основание говорить о наличии наряду с фонемой более крупной, чем она, фонетической единицы — фонемного ряда.

Здесь важно подчеркнуть, что дело не в единстве морфемы, а в фонетической стороне вопроса. Фонемный ряд — это не все фонемы, чередующиеся в составе морфемы, а только фонемы, находящиеся в живом чередовании, регулируемом действующими в данном языке и в данное время чисто фонетическими закономерностями. Исторические чередования (хотя и они должны быть признаны фонетическими явлениями, а не морфологическими, поскольку они не нарушают единства морфемы) не образуют фонетического единства, так как не подчиняются никаким фонетическим закономерностям.

Р. И. Аванесов исходит в различении фонемы и фонемного ряда из двух типов чередований. Он видит принципиальное различие между этими типами в том, что одни являются параллельными, а другие пересекающимися. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что первые никогда не образуют в данном языке фонематических противоположений (ср. *d'* лабиализованное и *d* нелабиализованное в русском языке), тогда как вторые выступают как противопоставляющиеся фонемы (ср. [d] и [t] в русском языке). Пренебрежение этим признаком, также различающим два типа звуковых чередова-

¹ В этом смысле, мне кажется, и нужно понимать справедливое замечание редакции «Известий» о том, «что фонема — это не какая-то совершенно новая, вовсе неизвестная старому языкознанию единица, а всего лишь уточненное и, может быть, углубленное понимание «звука речи» и что, в частности, самый термин «фонема»... надо думать, не так уж необходим («От редакции», стр. 554).

² См. E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, *Toward the logical description of languages in their phonemic aspect*, «Language», 1953, № 1, стр. 35, примеч. 7.

ний, ведет к стиранию грани между понятиями фонемы и оттенка (по терминологии московских фонологов, вариации) фонемы.

Неудачным кажется мне введение понятий сильной и слабой фонемы в дополнение к понятиям сильной и слабой позиции. Во всяком случае они противоречат той трактовке фонемы, которую предлагает сам автор. Так, с одной стороны, он — в полном согласии со своим определением фонемы — пишет на стр. 30, что «установление состава различных кратчайших звуковых единиц — фонем, их количества должно производиться на основе учета тех единиц, которые различаются в сильной позиции... Состав фонем (при наличии сильных и слабых фонем) — это состав сильных фонем, но не совокупность сильных и слабых фонем». Это, безусловно, правильное положение совершенно справедливо мотивируется тем, что слабые фонемы являются лишь эквивалентами сильных фонем. С другой стороны, на стр. 33 мы читаем, что слабые фонемы «в других случаях не входят в фонемный ряд и представляют собой самостоятельные единицы, которые по их различительной способности можно квалифицировать как единицы, так сказать, «низшего ранга» (сравнительно с сильными фонемами)».

Последнее утверждение делает непонятным, почему слабые фонемы не входят в состав фонем языка хотя бы в качестве единиц «низшего ранга». Так как этого нельзя допустить, придерживаясь того понимания фонемы, которое представлено в разбираемой работе, то лучше говорить о слабых и сильных позициях, а не о двух видах фонем. Всякая данная фонема остается самой собой и в слабой позиции, но только в этой позиции ослабевают ее словоразличительные возможности. В самом деле, если признать, что в состав фонем языка входят не все кратчайшие звуковые единицы, на которые разлагаются словоформы, то все учение о фонеме как кратчайшей звуковой единице теряет почву.

Что же мешает Р. И. Аванесову признать фонему в слабой позиции просто оттенком определенной фонемы в сильной позиции? По-видимому, несовпадение их акустико-физиологических свойств. Во всяком случае, для того, чтобы считать [а] и [ъ] разными (пусть слабыми) фонемами, других оснований, кажется, нет. Вместе с тем такой довод нельзя считать убедительным; неправильно думать, что определенность физиолого-акустической характеристики фонемы заключается в ее однозначности. Как известно, все учение о фонеме покоится на том положении, что сходство или несходство звуков само по себе не определяет фонематических различий. Это было доказано Щербой еще в «Русских гласных» и продемонстрировано на ставшем классическим примере с разными *e* в русском и французском языках.

Отсутствие «сходства» можно обнаружить в разных оттенках одной фонемы и в сильной позиции. Так, гласный в слове *садъ* не похож на гласный в слове *сад*. Новейшие исследования показывают, что, взятый сам по себе, он не опознается как [а]. Тем не менее этот гласный, несомненно, составляет с гласным слова *сад* одну фонему, так как в данном фонетическом положении он противопоставляется всем остальным гласным русского языка, кроме [а], отличаясь от гласных в сочетаниях *s'et', s'it', s'ot', s'ut'*. Точно так же и гласные [э, ь] «не похожи» на [а], но они могут быть противопоставлены гласным [о], [у], [ы], но не [а]. Простейший эксперимент показывает, что слово *голова*, медленно произнесенное как *galava* (с тремя одинаковыми *a*¹, воспринимаемыми носителями русского литературного произношения как совершенно тождественное быстро произнесенному *gulava*, тогда как *gulava* и *gylava* воспринимаются как бессмысленные сочетания, а *golova* — как диалектное произношение. Именно поэтому *a, э, ь* следует считать оттенками одной фонемы. Р. И. Аванесов неточен, когда пишет, что Л. В. Щербой и его учениками звуки в слабой позиции «на основе близости по физиолого-акустическому признаку (разрядка мон. — Л. З.) отождествляются с соответствующими звуковыми единицами, различающимися в сильной позиции» (стр. 37).

Из всего сказанного здесь вытекает и то, что фонема не может быть определена как звуковой тип в фонетическом смысле слова. Поэтому, мне кажется, не следует пользоваться данным термином в приложении к понятию фонемы, и это тем более, что Л. В. Щерба использовал его в чисто фонематическом плане. Что это так, доказывается хотя бы тем, что одна и та же пара звуков может составлять, по Л. В. Щербе, в одном языке один звуковой тип (т. е. одну фонему), а в другом — два типа (т. е. две фонемы). Я думаю, что недоразумение, возникшее вследствие неудачного словоупотребления, не следует усугублять возвращением к нему.

Таковы те уточнения, которые мне казалось бы нужным внести в концепцию Р. И. Аванесова. В целом же я хотел бы присоединиться к его словам о том, что «оба аспекта исследования (кратчайшая звуковая единица в составе звуковой оболочки словоформы и морфемы) должны найти свое место в системе фонологии, будучи соответствующим образом разграничены, в том числе терминологически» (стр. 37). Остается

¹ Хотя Р. И. Аванесов и отрицает существование полного стиля, но такое признание не только имеет место, но и широко используется в соответствующих ситуациях.

только заметить, что изложена эта концепция трудно, с расчетом на читателя, хорошо знакомого с соответствующей проблематикой. Может быть, при включении опубликованной ранее статьи в книгу, являющуюся все же учебным пособием, следовало бы сделать изложение более доступным.

Обращаясь к другим разделам, следует сказать, что и в них содержится много интересных мыслей и наблюдений. Не имея возможности из-за ограниченного объема рецензии останавливаться на всем подробно, я укажу только на те моменты, которые мне кажутся наиболее важными или спорными.

В разделе о слоге очень интересны и убедительны признаки границ слова (стр. 49), устанавливаемые Р. И. Аванесовым дополнительно к тем, на которые указывал Л. В. Щерба. Напротив, совершенно неубедительной кажется мне предлагаемая автором интерпретация «основного закона слогораздела в русском языке». Она никак не может объяснить м е х а н и з м а слогоделения; неудивительно поэтому, что автору приходится мириться с исключениями из «закона», изложенными в §§ 23, 24.

Р. И. Аванесов, основываясь на так называемой сонорной теории слога, исходит из деления звуков по различным степеням звучности. При этом он не замечает, что с точки зрения данной теории остается совершенно непонятным, к а к и м о б р а з о м слогоделение в одних случаях может происходить перед согласным, а в других — после него. Ведь, по автору, шумный согласный всегда будет характеризоваться нижней степенью звучности, чем и определяется, по мнению автора, его н а ч а л ь н о е п о л о ж е н и е в слоге. Какими же объективными средствами осуществляется возможное различие в слогоделении в случаях типа *без платы* и *бесплатный*, а также и в [ру/скы́], [рус/скы́] (см. стр. 54).

Все станет совершенно ясным, если признать, что при произнесении согласного он либо усиливается, либо ослабляется, а так как слогоделение происходит в момент наибольшего ослабления, то и граница слога пройдет перед согласным, если его начало слабее, чем конец, или после согласного, если его конец слабее, чем начало. Чем бы ни обуславливалась изменчивость силы согласного — изменением ли мускульного напряжения, как думал Щерба, или чем-либо иным, именно ею и определяется граница слогораздела. Следует заметить, что м е х а н и з м слогоделения не может быть различным в разных языках, как не может быть различным механизм голосообразования, шумообразования и т. п. Закономерностями данного языка определяется лишь то, в каких случаях имеет место тот или иной способ произнесения согласного, от которого и зависит граница между слогами. Правила, изложенные в §§ 22—24 рецензируемой книги, и следует понимать как попытку сформулировать некоторые из таких закономерностей.

Говоря о составе фонем, Р. И. Аванесов умалчивает о существовании проблемы фонематической трактовки [и—ы]. Это тем более неоправданно, что в аналогичном случае, в вопросе о заднеязычных согласных, автор поступает иначе (см. стр. 135, 136 и 170). Как бы ни решался этот вопрос, нельзя ставить знака равенства между различиями [е] и [ε], с одной стороны, и [и] и [ы], с другой. В скрытом виде особое положение (ы) отражается и в книге: на стр. 97 приводится профиль и палатограмма [ы], тогда как остальные гласные описываются только в их изолированных вариантах.

В том же разделе Р. И. Аванесов высказывает интересную мысль, что «ряд гласных не входит в число конститутивных, различительных признаков гласных фонем русского языка» (стр. 89). Мысль эта в общем правильная, но для того чтобы у читателя не возникло никаких ложных идей, нужно было бы очень кратко указать на отличие точки зрения автора от структуралистского понимания дифференциальных и недифференциальных признаков фонемы.

При описании образования гласных автор правильно говорит, что прежде всего нужно уяснить «различия в движениях языка и губ» (стр. 92). Однако описание отдельных гласных он начинает с указания на положение нижней челюсти, выдвигая, таким образом, второстепенный признак на первый план. Кстати, следует заметить, что профили расходятся с описанием; так, на профиле [е] нижняя челюсть опущена ниже, чем на профиле [и]; на профиле [о] — ниже, чем на профиле [у]. Это отнюдь не означает, что профили сделаны неправильно; такое положение нижней челюсти вполне возможно в соответствующих случаях. Если к профилям и можно предъявить претензию, то только в том, что на профилях [у] и [о] не видно лабиализации.

В разделе, посвященном согласным, мне кажется улачным, с классификационной точки зрения, различение «вокализованных» и «невокализованных». Непонятно, почему это не нашло отражения в таблице, приведенной на стр. 145, которая, впрочем, и в других отношениях нуждалась бы, мне кажется, в исправлениях. Так, например, из нее следовало бы исключить не основные варианты фонем, так как все варианты, естественно, помещены быть не могут, а предпочтение, отдаваемое каким-нибудь из них, едва ли может быть убедительно мотивировано.

Существенным пробелом в разделе о составе согласных фонем является то, что в нем совершенно не рассматривается вопрос о фонетической трактовке долгих согласных; автор лишь вскользь упоминает об этом вопросе в сноске к стр. 164.

Большой интерес представляет подробный анализ системы согласных. Очень удачно изложен вопрос о месте фонемы (j) в системе согласных фонем русского языка. К сожалению, не показано особое место, занимаемое фонемами [в] и [в'] в связи с тем, что перед ними сохраняется противопоставление по глухости — звонкости. Не безразличны для системы фонем и традиционные чередования; они тоже должны быть признаны фонетическими явлениями, так как не нарушают тождества морфем.

Интересны также параграфы, посвященные типам научно-лингвистической транскрипции. В свое время Щерба соответственно с его учением о фонеме ввел в обиход различение фонетической и фонематической транскрипции. Совершенно естественно, что вместе с понятием фонемного ряда Р. И. Аванесов предлагает различать еще один вид транскрипции, служащей для обозначения тех элементов «звучащей речи, которые в наибольшей степени самостоятельны» (стр. 217). Это предложение автора, а также и введение им терминов «фонетическая», «словофонематическая» и «морфофонематическая» транскрипции представляются мне принципиально важными и приемлемыми.

Заканчивая рецензию, следует отметить, что описания отысков фонем (в том числе и основных) слишком кратки и зачастую имеют умозрительный характер (ср., например, шесть разновидностей гласных фонем и др.) В уточнении нуждается также описание фонетической природы русского ударения, в котором совершенно неосновательно отодвигается на второй план количественный момент. Автор и сам чувствует необходимость «пополнить свое изложение данными экспериментальных исследований» (стр. 3). Будем же надеяться вместе с ним, что он в скором времени сможет дать более полное изложение предмета.

Л. Р. Зиндер

Орфографический словарь русского языка. 110 000 слов. Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1261 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

Выход в свет «Орфографического словаря русского языка», подготовленного работниками Института языкознания Академии наук СССР, является естественным продолжением работы по унификации русского правописания, нашедшей свое выражение в «Правилах русской орфографии и пунктуации». Последние, регламентируя современное правописание, дают только общие положения и не могут, конечно, охватить все изолированные случаи спорного написания. Эту задачу призван выполнить орфографический словарь, опирающийся на свод унифицированных правил. Вместе с тем в задачи словаря входит не только охват единичных, некодифицированных случаев двойственного написания, но и включение, по возможности исчерпывающее, слов литературного языка, представляющих интерес в орфографическом отношении. При этих условиях словарь будет служить необходимым практическим руководством для каждого, кто имеет дело с письменным языком.

В какой мере рецензируемый словарь удовлетворяет этому требованию? Структура пособия, обилие представленных в нем слов, вспомогательная аппаратура, учет задач орфоэпии — все это свидетельствует о большой работе, выполненной его составителями. Не приходится сомневаться в том, что книга может служить справочником для лиц, сталкивающихся с вопросами русского правописания. Об установке на массового читателя говорит значительный тираж словаря (500 тыс. экземпляров).

В конце книги в качестве приложения даны «Правила русской орфографии». Огромное количество слов, включенных в словарь, обеспечивает возможность удовлетворить запросы различных категорий читателей. С должным основанием в словаре помечены производственные, словообразовательные и лексические варианты слов, связанные с различиями в написании, а также фразеологические обороты, в той или иной степени представляющие интерес с точки зрения орфографии. Включение в словарь сложносокращенных слов типа *райзо*, *районо* (правда, без определенной системы), равно как сложных существительных других типов и сложных прилагательных, поможет устранить наблюдающийся до сих пор разрыв в их написании.

Несомненную пользу принесут грамматические пометы и формы слов, приведенные в словаре. Указания на формы падежей (например, род. падежа мн. числа существительных с безгласным гласным типа *цапли* — *цапель*, *оглобли* — *оглобель*, также *ясли* — *яслей*, *будни* — *будней*), краткие формы прилагательных (*ответствен*, *свойствен*, *торжествен*) и др. будут способствовать закреплению в практике письменной и устной речи литературных вариантов. Хотя непосредственного отношения к орфографии это не имеет, но составители словаря поступили правильно, не отказавшись от представившейся попутно возможности содействовать нормализации литературного языка. В этом плане заслуживает также положительной оценки стремление частично разрешить орфоэпические задачи путем указания ударений в словах и формах слов: для массового читателя вопросы произношения представляют значительный интерес.

В целом книга производит впечатление лексикографического труда, в который вложена большая, кропотливая работа. В то же время возникает ряд вопросов, общих